

УДК 82-3

Р. Р. Рустамов,

факультет «Полярная академия»,
 Российский государственный гидрометеорологический
 университет, г. Санкт-Петербург
 Научный руководитель: канд. филол. наук, д-р иск.,
 проф. Н. М. Мышьякова

Тема абсурда в прозе Сильвии Плат

Аннотация. На примере прозаических произведений Сильвии Плат проанализирована специфика реализации темы абсурда в творчестве писательницы. Проведено сравнение с каноническими абсурдистскими текстами, а именно с «Посторонним» А. Камю и выявлены общие черты поэтики абсурда: мотивы равнодушия к жизни, неспособность управлять собственной судьбой, бутафорность окружающего мира.

Ключевые слова: Сильвия Плат, рассказы, абсурд, автобиография, психологизм.

Расцвет литературы абсурда пришелся на XX столетие, обрамленное двумя мировыми войнами, многочисленными кризисами и стремительной индустриализацией. Если прозаики-реалисты XIX в. фокусировались на отображении человека в обществе, то в XX в. произошел определенный «поворот» к одиночеству, даже изолированности личности. Оставшись наедине с собой, человек был склонен к рефлексии. В литературе это проявилось в более глубинном психологизме, реализация которого нашла отражение в идее абсурда как в одной из ключевых категорий культуры XX в.

Несмотря на то, что Сильвию Плат никогда не причисляли к абсурдистам, в ее творчестве отчетливо заметны черты данного течения, а именно схожие темы бессмысленности человеческого существования, отстраненная манера повествования и потерянные, оторванные от окружающего мира герои.

Центральным произведением в абсурдизме является эссе А. Камю «Миф о Сизифе». В нём французский экзистенциалист связывает абсурд с философским осмыслением самоубийства, которое становится кульминацией столкновения желаний человека с объективной реальностью: *разлад между человеком и окружающей его жизнью, актером и декорациями и дает, собственно, чувство абсурда* [2, с. 131–132].

Тема самоубийства является одной из основных в единственном опубликованном романе Плат «Под стеклянным колпаком» (The Bell Jar, 1963). В нём читатель погружается в сознание молодой стипендиатки Эстер Гринвуд, которая стажуется в модном журнале и посещает коктейльные вече-

ринки. Однако осознание искусственности и бессмысленности происходящего приводит героиню к погружению в апатию и попытке самоубийства.

В поведении Эстер можно найти определенные сходства с Мерсо — каноничным героем абсурда из романа Камю «Посторонний». Они оба оторваны от общества и не принимают социальные установки. Героиня Плат не находит радости в работе в уважаемом модном издании, куда она стремилась попасть, разочаровывается в мечте и светских условностях: *где бы я ни находилась... я всё равно бы находилась под тем же стеклянным колпаком, варясь в собственном соку и отчаянно ища выход* [4, с. 241–242]. Жизнь кажется Эстер искусственной. Героиня отмечает *бутафорскую синеву неба* [4, с. 206], а мир вокруг представляется ей *театральным занавесом* [4, с. 206]. Так и Мерсо равнодушен к жизни: его не трогает смерть матери, герой даже не может точно вспомнить, когда это произошло: *Сегодня умерла мама. Или, может, вчера, не знаю* [2, с. 5]. На похоронах герой «испытывает главным образом скуку <...> осознает, что ничего дорогого для него в мире нет» [5].

В обоих произведениях появляется мотив духоты — Мерсо убивает араба якобы из-за палящего солнца, Эстер отмечает, что в Нью-Йорке *стояло какое-то безумное, удушливое лето, то самое лето, когда на электрическом стуле казнили чету Розенбергов...* [4, с. 5]. Плат с самого начала романа связывает духоту и удушье с безумием, а упоминание казни на электрическом стуле предвосхищает шоковую терапию, которой подвергнется героиня. С. Великовский замечает, что Мерсо в момент убийства араба находится *во власти*

очередного солнечного наваждения [1, с. 54]. Также и Эстер признается, что теряет контроль над своей жизнью: *Вот только я ничем не управляла, даже собой* [4, с. 7].

Важная роль в романе Плат отведена изображению водного пейзажа. Несколько раз в течение повествования героиня оказывается у водоемов, размышляя о смерти в водной стихии (*Я ныряла снова и снова, и всякий раз выскакивала на поверхность как пробка* [4, с. 211], *Один прыжок — и вода сомкнется у меня над головой* [4, с. 240]), однако даже здесь чувствует бессилие: *Я ждала, словно море могло принять за меня решение* [4, с. 202].

Морская стихия также является центральным образом в одном из самых автобиографичных рассказов Плат «Океан 1212-W». Э. Бутчер называет его *импрессионистским воспоминанием раннего детства, написанным под конец жизни* (перевод наш. — Р. Р.) [6, р. 6] писательницы. Узнав о скором рождении брата, героиня чувствует себя преданной и находит утешение в водной стихии (*море, проникшись моим горем, благословило меня* [3, с. 158]), обретает с ней особую связь, однако чувствует разобщенность с остальным миром: *Отстранено, словно со звезды, я чувствовала раздельность всего сущего <...> Моя восхитительная связь с другими вещами этого мира оборвалась* [3, с. 156]. Т. Светлая пишет о связи эстетики абсурда с природой так: «мы осознаем твердость, плотность мира вокруг нас. Мы чувствуем, до какой степени какой-либо камень чужд нам <...>. Эта плотность и чуждость мира есть абсурд» [5]. Героиня рассказа остро ощущает эту раздельность с окружающим миром: *я — это я, камень — это камень* [3, с. 156].

Камю также отмечает *первобытную враждебность мира* [2, с. 142] как признак абсурда. Однако люди в том числе *источают нечто бесчеловечное* [2, с. 142], например, когда мы видим их мимику во время телефонного звонка, но не слышим слов, не узнаем самих себя в зеркале или на фотогра-

фии — в такие моменты также рождается чувство абсурда. Похожие эпизоды присутствуют в романе Плат. Сидя в кинотеатре, Эстер обращает внимание на сосредоточенных на бессмысленном фильме зрителей: *они показались мне какими-то тупыми лунатиками* [4, с. 60]. Во время поездки со знакомыми героиня чувствует, как они *вдруг словно отодвинулись куда-то вдаль* [4, с. 101], и наблюдает за бесшумно шевелящимися губами, ощущая себя оставленной.

Попав в психиатрическую больницу, Эстер осознает, что между студентками колледжа и пациентками почти нет разницы: *Они, наверное, тоже сидели под своего рода стеклянными колпаками* [4, с. 310]. Так Плат выражает мысль о том, что жизнь каждого человека в какой-то мере бессмысленна и невыносима.

Образ медицинского учреждения как закрытого пространства, влияющего на сознание, также появляется в рассказе «Дочери Блоссом-стрит», центральной темой которого становится роковая неизбежность смерти. Бывшая работница больницы Эмили Руссо неизлечимо больна раком, однако для нее держат открытую вакансию — персонал не способен честно сказать о скорой смерти, и в итоге героиня умирает во время посещения загадочным пациентом Билли Монихеном. В ту же ночь умирает сам Билли, упав с лестницы. В рассказе показана бессмысленность, абсурдность и непредсказуемость смерти. Этот же мотив показан в «Постороннем» Камю: *смерти не миновать, а когда и как умрешь — что за важность* [2, с. 113–114].

Таким образом, в произведениях Сильвии Плат можно обнаружить признаки эстетики абсурда. Особенностью реализации данной концепции является частое обращение к теме смерти в разных ее проявлениях. Плат с помощью острого психологизма отражает бессмысленность и тяжесть человеческого существования, внутренние кризисы, отчаяние и метафизическую несвободу личности.

1. Великовский С. И. Грани «несчастливого сознания». Театр, проза, философия, эссеистика, эстетика Альбера Камю. — М. : СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 208 с.
2. Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула. — М. : АСТ, 2015. — 381 с.
3. Плат С. Мэри Вентура и «Девятое королевство» / пер. с англ. В. Бернацкой. — М. : АСТ, 2021. — 448 с.
4. Плат С. Под стеклянным колпаком / пер. с англ. С. Алукард. — М. : АСТ, 2017. — 320 с.
5. Светлая Т. Система философско-эстетических взглядов А. Камю // Noblit.ru : [сайт]. — URL: <http://noblit.ru/node/1006> (дата обращения: 28.11.2022).
6. Butcher E. Sylvia Plath: Method and Madness. — New York : Seabury Press, 1976. — 388 p.